

И. Е. ЛОЩИЛОВ¹

МАЯКОВСКИЙ, ФУТУРИЗМ, ФУТУРИСТЫ: Из сибирской мозаики*

Статья посвящена истории рецепции поэзии русского футуризма и творчества Владимира Маяковского в далёких от столичной литературной жизни пространствах. Изложение материала, связанного с сибирскими откликами на новаторские тенденции и яркие явления литературы 1910–1920-х годов, носит в статье принципиально мозаичный характер. В общих чертах история восприятия Маяковского воссоздана наукой, и публикуемые в составе текста статьи, редкие рецензии, пародии и подражания призваны лишь заполнить некоторые «пустые» участки и фрагменты давно сложившейся общей картины. Статья включает десять микросюжетов, восходящих к редким сибирским печатным изданиям и архивным фондам Иркутска, Кургана, Якутска, Омска, Томска и Новосибирска (Ново-Николаевска). В состав статьи включена иркутская рецензия на книгу Маяковского «Простое как мычание», не учтённая в библиографиях поэта и лишь однократно упомянутая историком литературы Сибири В. П. Трушкиным.

Ключевые слова: авангард, Маяковский, пародия, рецепция, Сибирь, футуризм, футуристы, эпигонство.

Предлагаемые ниже «осколки» мозаики не есть результат целенаправленного поиска. Это, как и положено осколкам, — попавшее на глаза случайно, отмеченное «боковым зрением» при просмотрах сибирской периодики и архивных поисках, связанных с другими темами... Пронумерованные в произвольном порядке, они, может быть, способны внести дополнительные штрихи в картину истории рецепции Маяковского и футуризма в отдалённых от столичной литературной жизни пространствах.

1. В иркутской газете, выпущенной в начале 1914 года к празднику студентов, в разделе «Юмористика» был напечатан фельетон «Из воспоминаний

¹ Игорь Евгеньевич Лощиллов — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (Новосибирск); доцент кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Российская Федерация); loshch@yandex.ru

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ, проект 16–04–00268 («Сибирский авангард 1920–1930-х годов: газета, журнал, альманах, сборник»).

поэта», подписанный псевдонимом «Иван Лирик». Фельетон написан от лица молодого стихотворца, проделавшего путь от реализма — через «символизм и декаданс» — к футуризму. Приведём ту часть этого сочинения, которая содержала пародийные имитации новейшей поэзии.

Воодушевлённый успехом, я стал, наконец, настоящим декадентом, и, когда на меня ниспадало божественное вдохновение, из-под моего пера изливались строки, полные недостижимой таинственности, например:

– Хоровод ка-
кой-то
В бездне вод ка-
чался...
Кто-то от ко-
го-то
С криком отка-
казался...
Чёрный кот ка-
тался
В влаге от ко-
ровы,
Быстро отка-
тался...
Взяли нотку
совы,
Крики мод ка-
призных...
Дьявол вот как
тризну
Справил, мот ка-
налья,
Яму отко-
пал я!!.

Мои поэтические дерзновения подобного рода вынесли мою славу, как поэта, далеко за пределы моего родного города.

Тогда я стал дерзать дальше.

Я сделался футуристом, эго-футуристом, чувствуя, что в этой области я распространю свою популярность далее за пределы родной губернии.

И, когда на дружеской пирушке меня просили экспромтом сочинить в стихах призыв к веселью, я воздымал ноги свои горе и пел:

— Громохостучите
Водкорюмокопивы
Веселосмехите
Мужеюнодивы.
Печалозабывши
Грохом погрохайте
Песни самопешши
Горлом погорлайте
Верхоногом плясы
Постукайте вразы
Потокайте лясы:
Азы, базы, азы!..

* * *

Здесь эру преднюю создам
 Для якутистов очных, —
 Стихотвори футурно дам
 Грозыобразных, огнестрочных!
 Они как пламя звёздный блеск,
 Во тьме Якутска заогнятся,
 Воспринесётся шумотреск
 И корни футуризма заростятся!
 Воспламенеют кровь-сердца!
 И будет всефутурно голод,
 Футуру гимнопенье без конца
 Раскатогласят стар и молод! [44, стлб. 29–30; 20, 45]¹

3. Среди материалов, собранных новосибирским литературоведом Николаем Николаевичем Яновским (1914–1990) к неосуществлённому изданию сочинений поэта Кондратия Кузьмича Худякова (1886–1920), есть бесхитростный отклик на долетевшие, видимо, до города Кургана, где жил поэт, слухи о скандалах и причудах столичных футуристов:

У т р о ф у т у р и с т а

Человечий свой образ калеча,
 Футурист туалет завершил;
 Натегая калоши на плечи,
 С важным видом куда-то спешил...

Вот и Невский... Улыбки прохожих...
 Но ему на людей наплевать...
 Ведь галоши действительно гожи
 Были только сюда надевать.

1914 г. Курган [49].

Худякову же принадлежит пародия на Игоря-Северянина:

И г о р е - п о э з а
 (*Горе-поэзия*)

Я, ошампанившись поэзой,
 Авто-лечу в шимпанзодром
 Слыву я рифмо-митральезой
 И мир громлю стихоядром

Пускай другие с чаем пьют ром,
 Мне без поэзы пить невмочь.

Я пук стихов рождаю утром
 И стихопукаю всю ночь...

¹ Автор пародии, вероятно, — «Сандро Маенский — беллетрист, сотр[удник] жур[нала] “Ленские волны” (1914)».

Люблю пестро экспериментить,
Хорее-смел и ямбо-лих...
Хочу себя омонументить,
Опьедесталив всех других.

Я бич отживших стихоплясий,
Дву-бог сегодняшнего дня,
Сам Дорошевич Островласий
Фельетонирует меня [50]¹.

Цикл Худякова «На литературном погосте (Надгробные надписи)» содержал шуточную эпитафию Северянину (наряду с подобными «эпитафиями» Сологубу, Городецкому и «Безымянному фельетонисту»):

Тут не вельможа, не крестьянин...
И уж не так, чтоб был велик,
Гремящий Игорь Северянин
Главою царственной поник [51].

Дочь Худякова, Анна Кондратьевна Максимова, микробиолог по профессии, жившая в Москве и хранившая рукописи отца, писала Н. Н. Яновскому 18 апреля 1982 года:

«В архиве имеется интересная надпись на статье художника Давида Бурлюка, опубликованной в каком-то журнале или сборнике под заглавием “Мм. Гг!?”: “Талантливому, искренне-смелому Кондратию Кузьмичу Худякову поэту от собрата по перу и художника Давида Бурлюка 1919 16/II Страна пурги и декабристской пыли”» [52].

4. В пятом и последнем выпуске иркутского журнала «Багульник» была напечатана обширная рецензия на книгу Маяковского «Простое как мычание», подписанная «Станиславич». Издательницей журнала, преимущественно публиковавшего сочинения ссыльных литераторов, была А. И. Митталь; с передачей после 5-го выпуска в руки В. М. Перевощиковой журнал перестал выходить [7, 16].

Рецензия, вышедшая в свет в марте 1917 года, не отражена в посвящённом этому году разделе библиографии Маяковского [см.: 34, 37–39]. Однако назвать её совершенно забытой нельзя: в 1967 году о ней упомянул великий знаток сибирской печати Василий Прокопьевич Трушкин (1921–1996) — в разделе своей книги, посвящённом недолгой истории журнала «Багульник» [41, 41].

В более поздних редакциях В. П. Трушкин предположительно указывал автора, скрывшегося под псевдонимом: «Станиславич, — возможно, псевдоним Константина Станиславовича Журавского» [42, 376; 43, 301]. Биографические сведения о К. С. Журавском, стихи и проза которого присутствуют в выпусках «Багульника» [см.: 14–18], минимальны и сводятся к справке Н. В. Здобнова: «Поэт, сотрудник газет “Сибир. Заря” (в ней начал свою лит. деят. в 1912), “Сибирь”, журн.: “Багульник” (1916), “Сиб. Зап.” (1916), “Иркутская Незабудка”, сбор.: “Иркутские вечера” (1916), “Сев. Зори” (М., 1916)» [20, 25].

¹ Один из персонажей прозы Владимира Пруссак декламирует «Шампанский полонез» не названного по имени Северянина, представленного как «поэт, умеющий радоваться и призывающий к радости» [33, 1–2].

Следует отметить, что рубрика «Галерея современных поэтов», где рецензировалась книга Маяковского, появилась лишь в предпоследнем номере журнала и открылась стилистически близкой к рецензии Станиславича статьей об Эренбурге, подписанной известным псевдонимом другого иркутского литератора, Льва Иосифовича Повицкого (1885–1974) — «Алевский» [1, 11–12]. О Л. И. Повицком известно гораздо больше благодаря его революционным заслугам и дружбе с Есениным [см.: 12, 77–90]. Стихи Повицкого также присутствовали в каждом из номеров «Багульника» [см.: 27–32]; в том же выпуске, что и рецензия «Станиславича», был напечатан критический материал, подписанный «Алевский» [см.: 2]¹.

В. П. Трушкин был несомненно прав, указав на авторство Журавского в предположительной модальности. Псевдоним «Станиславич» легко, но лишь гипотетически мотивируется отчеством Журавского (Константин Станиславович). Думается, нельзя исключить авторство или соавторство Льва Повицкого, как и в случаях других материалов «Багульника», неподписанных или подписанных псевдонимами (О. Пальный, Его). Подборки обоих поэтов присутствовали в альманахе «Иркутские вечера», вышедшем в 1916 году [16; 32]. После революции оба имени исчезают со страниц иркутской печати.

Приведём полный текст знакомой сибиреведам, но выпавшей из поля зрения специалистов по Маяковскому рецензии.

Галерея современных поэтов
Вл. Маяковский

Иногда мне кажется, —
я петух голландский,
или я
король псковский.
А иногда
мне больше всего нравится
моя собственная фамилия,
Владимир Маяковский.

Так говорит о себе молодой 23-летний поэт, пришедший в литературу в рядах теперь уже умирающего (на практике) русского футуризма.

Литературной карьере Маяковского не насчитать и пяти лет, но уже в самом начале она была запротоколена двумя околоточными надзирателями.

Первый протокол — московский, за скандал в «Розовом фонаре»², второй — петроградский, за площадную ругань в «Бродячей Собаке»³.

Но это — в прошлом. Теперь, когда затихли футуристические скандалы, с большей определённой выявился лик этого несомненно интересного и талантливого поэта.

¹ В других номерах журнала материалы рубрики публиковались без заголовка и подписи [см.: 8–11].

² Скандал на вечере открытия футуристического кабаре «Розовый фонарь» в Москве разразился 19 октября 1913 года: «Маяковский выступал в жёлтой кофте. Выступление футуристов (Маяковский, Ларионов, Гончарова) закончилось грандиозным скандалом и вмешательством полиции» [25, 427].

³ 11 февраля 1915 года в «Бродячей собаке» на «Вечере пяти» Маяковский прочитал сверх программы вызвавшее скандал стихотворение «Вам!»

Последний сборник стихов Маяковского, «Простое как мычание», вышел в конце прошлого года в издательстве «Парус» [26]. В этот сборник вошёл и выпущенный ранее отдельным изданием цикл «Облако в штанах»¹, причём на этот раз цензура оказалась несколько снисходительнее, и белых мест в сборнике меньше.

О русском футуризме принято думать, как о несерьёзной кампании, в скандале и ради скандала предпринятой кучкой бесталанных поэтов и художников. Если бы оно было и так, Маяковский — отрадное исключение.

Есть и у него много нарочито несуразного и взбалмошного, но под всем этим кроется живое, любопытное лицо поэта.

Прежде всего, Маяковский — груб. Груб, так сказать, сознательно и определённо. Никакой галантности и сентиментальности! Всё тяжеловесно, неуклюже и «великолепно-нелепо».

Улица провалилась, как нос сифилитика.
Река — сладострастье, растекшееся в слюни.
Отбросив белье до последнего листика,
сады похабно развалились в июне.
Я вышел на площадь,
выжженный квартал
надел на голову, как рыжий парик.
Людям страшно — у меня изо рта
шевелит ногами непрожёванный крик.
Но меня не осудят, но меня не облают,
как пророку, цветами устелят мне след.
Все эти, провалившиеся носами, знают:
я — ваш поэт.
Как трактир, мне страшен ваш страшный суд!
Меня одного сквозь горящие здания
проститутки, как святыню, на руках понесут
и покажут Богу в свое оправдание.
И Бог заплачет над моею книжкой!
Не слова — судороги, слипшиеся комом;
и побежит по небу с моими стихами подмышкой
и будет, задыхаясь, читать их своим знакомым.

Подобный поэтический язык симптоматичен. Не зря и не ради простого скандала пришёл с ним в нашу поэзию Маяковский. Ведь принёс же подобные слова когда-то в унылую русскую беллетристику «сознательный босяк» — Максим Горький. И это не было странно, — наоборот: это оказалось явлением законного порядка и оздоровило современную упадочную литературу.

Русская поэзия последнего десятилетия — безрадостна и уныла. Нет движения, нет дерзаний, и только парфюмерный Игорь Северянин стяжает временный, уже гаснущий успех. Нужны какие-то другие слова, слова «простые, как мычание», — и вот приходит поэт, который Стенькой Разиным врывается в тихие воды современной поэзии:

Выньте, гулящие, руки из брюк —
берите камень, нож или бомбу,
а если у которого нету рук —
пришёл чтоб и бился лбом бы!

.....

¹ Первое издание с многочисленными цензурными изъятиями [24].

Пускай земле под ножами припомнится,
кого хотела опошлить!
— Земле,
обжиревшей, как любовница,
которую вылюбил Ротшильд!

В этом отрицании сегодняшнего, в этом бунтарстве, возведённом в творческий принцип — большой и многообещающий талант. Бунтарство Маяковского не бездельно. В нём есть стремление, есть некий зов и творческое предвидение:

Я,
обсмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабрёзный анекдот,
вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядёт шестнадцатый год.

Ни на минуту не оставаться похожим на других, всегда быть верным только себе, грубому, преувеличенному, но себе — в этом *credo* Маяковского.

Но в зовах поэта, в мальчишеской развязности его нет-нет да и мелькнёт на лице пугающая гримаса. Рождённая «чахоточной ночью» в грязных городских улицах, эта гримаса возводит поэта на непрестанные голгофы, откуда он мнит себя обсмеянным, затравленным зверем.

Солнце!
Отец мой!
Сжалься хоть ты и не мучай!
Это тобою пролитая кровь моя льётся дорогою дольней.
Это душа моя
ключьями порванной тучи
в выжженном небе
на ржавом кресте колокольни!

Но, ушиблённый городом, поэт не чурается его. Наоборот, с каким-то особенным, злобным самоудовлетворением он принимает и «железные книги вывесок», и «женщин, истрёпанных, как пословица», и «распятых перекрестками городских».

Форма стиха у Маяковского заведомо небрежная, безразмерная, с ассоциирующими рифмами, но в поэтических образах его чувствуется подлинное художественное чутье. Только поэт «Божьей милостью» мог дать такие — несколько резкие, по меткие строки:

На небе, красный, как марсельеза,
вздрагивал, околевая, закат.
(Стр. 108)

У мчащихся рек
на взмыленных шеях
мосты заломили железные руки.
(Стр. 63)

В углах оглохших пароходов
горели серьги якорей.
(Стр. 28)

И небу — стихши — ясно стало
туда, где моря блещет блюдо,
сырой погонщик гнал устало
Невы двугорбого верблюда.
(Стр. 25)

Живописуя город ночью, Маяковский так говорит о нём:

Черным ладоням сбежавшихся окон
роздали горящие желтые карты.
(Стр. 31)

И всё же Маяковский — слишком настоящий, слишком «наш», с нами живущий. Правда, есть у него зоркий взгляд и острое чутьё грядущего, но это так неопределённо и туманно, что Мессией этого поэта назвать не приходится. Разве только — талантливым предтечей.

А возможностью у Маяковского много. Ведь этому «бунтарю» всего 23 года! Хочется верить, что сотрутся временем неровности и угловатости его творчества, умерится задор, и сбудутся благие слова к потомкам:

Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души! [37]

5. В изложении лекции скульптора Ивана Дмитриевича Шадра (1887–1941), прочитанной в Омске 24 февраля 1919 года на Высших курсах и посвящённой задуманному им «Памятнику Мировому Страданию» в связи с поисками «новых форм в искусстве», упоминались Хлебников и Кручёных [13]. Лектор говорил, что искусство совершило круг «от примитивных звуко-подражателей поэзии детей до поэзии нечленораздельных звуков Кручёных, Хлебниковой [так!] и др. футуристических поэтов» [13, 3]. 14 марта лекция была прочитана повторно в помещении Биржи [19].

6. В «маленьком фельетоне» Всеволода Никаноровича Иванова (1888–1971), посвящённом вопиющей разнице продуктовых цен на рынке и в ресторане, неточно цитировались строки «одного талантливого футуриста» — Маяковского:

Положим, традиция русская говорит, что в ресторан хороший человек не ходит, а обедает, ужинает и завтракает, и три раза пьёт чай у себя дома; а ежели человек попадает в ресторан, то значит ему такая выпала полоса, и уже лишними ста рублями его не испугаешь. Хоть в 50 рублей поставь ему огурец, а особенно при случае угостит кого надо.

Я поеду играть на биржу,
Толстым бумажником растопырю бока,
В пьяной песне душу выражу
В кабинете кабака!¹ —

писал про это состояние один талантливый футурист [22].

¹ Верно: «Лучше лавочку открою. / Пойду на биржу. / Тугими бумажниками растопырю бока. / Пьяной песней / душу выржу / в кабинете кабака» [23].

7. В газетном отчёте о трех омских выступлениях Давида Бурлюка журналист и художник Аргус (Алексей Матвеевич Громов; 1888–1937) писал:

И, наконец — ставший прихвостнем Бурлюка в Омске — «Гордость Сибири», «Национальный Гений» Антон Сорокин. На его лице — торжествующая улыбка...

Эта улыбка так и говорит:

— И я сподобился!.. [6]

В интерпретации самого Антона Семёновича Сорокина (1884–1928), скандально знаменитого омского писателя, его роль никоим образом не сводилась к роли «прихвостня»: «Давид Бурлюк был в восторге от моей находчивости» [35, 44]. В книге «Тридцать три скандала Колчаку» Бурлюку посвящены главы «Скандал третий», «Как справиться с докторами», «Как справиться с полицией» и «Скандал четвёртый» [35, 44–53]; участвует Бурлюк и в «Скандале девятом», устроенном Сорокиным в салоне поэтессы Нины Михайловны Подгоричани [35, 58–59].

Неоднократно публиковавшаяся как целиком, так и частями (ещё при жизни автора) книга «Тридцать три скандала Колчаку» (1925–1927) является поздней и адаптированной к идеологическим условиям советского литературного процесса второй половины 1920-х годов редакцией обстоятельного повествования о скандалах, провокациях и проделках Антона Сорокина. Самая ранняя из известных нам редакций этого «личного эпоса» ещё ожидает публикации; она датирована ноябрём 1922 года и носит название «Антре шута Бенецо» («[Цирковые] Антре шута Бенецо»). Здесь ещё нет антиколчаковского акцента, который был привнесён позже и, вероятно, давал автору надежду на публикации. Некоторые эпизоды с участием Давыда (Сорокин всегда писал имя Отца Русского Футуризма именно так) Бурлюка описаны здесь более динамично:

Приходит Давыд Бурлюк и говорит:

— Приходится Вам уходить, все настроены против Вас...

— Какой же Вы Бурлюк?.. Я иду против всех.

— Но это же неудобно.

— Для Антона Сорокина всё удобно!¹[48].

Приведём фрагмент «Антре...», соответствующий «Скандалу четвёртому» в поздней редакции [35].

На вечере Давыда Бурлюка <...> Антон Сорокин начал говорить то, что Давыд Бурлюк говорил ему по секрету.

— Футуристы бывают трёх родов. Первый — это люди талантливые, которые хотят выдвинуться и употребляют всевозможные трюки. У меня, например, работают 10 художников, и имя я ставлю под их картинами своё, и заработал имение, дом... скот, пашни... И другим даю жить. Таких футуристов мало: Давыд Бурлюк, Влад. Маяковский.

Другой вид футуристов все ненормальные, сумасшедшие, вроде Кручёных, Хлебникова... Они работают бессознательно.

Третий вид — бесталанные жулики, примазывающиеся к футуризму... Нового искусства нет. Как нет новой азбуки, новых красок... Искусство вечно.

¹ Благодарю Ю. П. Зародову (Омск) за возможность познакомиться с полным текстом «Антре шута Бенецо».

Давыд Бурлюк пытается остановить Антона Сорокина. Публика, довольная скандалом, довольна — футуристы ссорятся...

— Да, гражданская война — самая кровопролитная.

— Антон Семёнович, Вы с ума не сошли?.. Разве это можно говорить?..

Я Вас побью...

— Не боюсь... Публика заступится и второй Вам глаз вышибет.

— Правильно... Вышибем... — кричат.

— Вы замолчите.

— О, да. Давайте Ваших 125 картин.

— 125 — много. 95 даю... С набросками...

— Футуристы торгуются...

— Вот Вам расписка, картины выдаст Борис Четвериков. Часть будет поддельной... Но штук 10–15 будут настоящие Бурлюки.

Антон Сорокин говорит:

— Беру свои слова обратно. Всё сказанное мною было ложью.

Бурлюк сообщает своим богатырским голосом:

— Война гражданская окончена! Мир заключён, и сам Отец футуризма, побеждённый, заплатит контрибуцию... Продолжайте, Антон Семёнович... [48]

В фонде Сорокина сохранилась запись к выступлению писателя, датированная 27 ноября 1920 года и посвящённая изобретённому им «антосорокизму».

О футуризме и Антосорокизме

Сегодня мозг сибирского народа, знаменитый писатель Антон Сорокин, желает прочитать вам серьёзную научную лекцию о футуризме и Антосорокизме, неоднократные выступления на сцене совместно с отцом футуризма Давыдом Бурлюком показали нам, что чем контрумнее человек¹, тем он больше поднимает крик на наших лекциях, а посему крик, покашливание, неуместные замечания — лучший показатель глупости собравшейся аудитории. Господа товарищи, я лицезрел и таких зрителей, которые соблюдали абсолютную тишину и глотали каждое наше слово, как глотают щуки маленьких рыбёшек.

Итак, с вашего разрешения я начинаю.

Во имя Бога-Отца в искусстве Давыда Давидовича Бурлюка и святого Духа Антона Сорокина приступаем к объяснению великой тайны искусства.

Мы, Антон Сорокин, знаем, что здесь, в этой маленькой комнатке, где собрались самые талантливые художники Сибири, не всё обстоит благополучно: одни из вас — натуралисты, люди, умеющие рисовать то, что видит глаз, с великим бы удовольствием избивали бы до крови тех молодых, дерзких, кого вы именуете футуристами, но этого Вы не делаете, зная, что Вы, старые, обречены на гибель, вы — мамонты, доживаете последние минуты вашего творчества. Вы знаете, что грядёт новое искусство. Вы его не понимаете и ненавидите, как буржуи не понимают пролетарского строительства...

В защиту футуризма много говорить не приходится. Искусство оригинальное в тысячелетней культуре, японское и китайское, весьма близко подходит к футуризму. Не может же пятисотмиллионный народ, изобретший порох, компас, фарфор, отстать в искусстве.

Разве шёлковые материи, фарфор китайский не лучшие в мире и до сего времени? Следовательно, китайское искусство сознательно применяет приёмы

¹ «Контрумнее» — неологизм Сорокина, изобретённый, вероятно, чтобы не начинать выступление с прямого оскорбления публики («чем глупее человек...»), о «показателе глупости» которой Сорокин скажет немного позже. Ср. словосочетание «контрпродуктивные меры» в современном политическом лексиконе.

футуризма, потому что это азбука для искусства, для того, чтобы передать красоту...

Без этой азбуки никто не может. Сюда пришли люди, отрицательно относящиеся к футуризму, но после того как я, мозг Сибирского народа, вздумал доказать вам, то доказательство это будет исчерпывающим. И вы увидите все с мыслями: однако, в футуризме есть какая-то истина.

Итак, я приступаю к доказательству.

Вся культура человеческая взята с природы, и если бы не были футуристами и рабски копировали бы природу, у нас не было бы культуры. Вот молоток — это копировка кулака, руки, но какие разнообразные формы даёт культура.

Вот вам глаз, культура создаёт фотографический аппарат кинематографии — культура создаёт телефоны, беспроводные телеграм[м]ы, пение соловья футуристическая культура превращает в звуки рояля.

Как бы удивлена была природа, если бы увидела, что за уродина рояль получилась из маленького соловья. Маленькая гусеница превращена в огромный танк. Так же мы видим теперь и в искусстве. Футуризм красками думает передавать мысли, настроение, словами передать музыку, и если культура, имея только образцы природы, создала такую сложную культуру, если паутины паука превратить в шёлковые материи, то будьте уверены, что футуризм в искусстве сделает то же, и мы, словно оживлённая природа, дряхлая старая, удивлена и не понимает, что происходит, не того ожидала. Старая умной себя считала, а вот культура-то превзошла. Так будет и с вами, кто понимает природу и не хочет вникнуть в прогресс искусства.

Футуризм — это такая великая идея, что она сейчас привела сюда к Вам за 7 вёрст пешком Самого Антона Сорокина, чтобы он Вам сказал слово истины¹ [45].

В другом конспекте, озаглавленном «Школа антосорокизма» (без даты), Сорокин вслед за рассуждением о «сбережении сил» писателя (оправдывающем плагиат), говорит о значении питания для творческого процесса:

Второе важное достижение заключается в том, что писатель должен особенное внимание обращать на пищу, это имеет огромное значение, от пищи рождаются мысли. Человек, живущий полуголодной жизнью, должен творить гениальные вещи, и, наоборот, пресыщенные ничего не создадут. На юге, где всего вдоволь, нет литературы, литература там, где обострённая борьба за существование.

Пример. Пока Маяковский питался плохо, он писал хорошо, а как только стал питаться хорошо, он стал писать хуже. Так что пища имеет большое значение для мысли. Пьяный человек напишет совершенно другое... Кокаинист, морфинист будет писать другое... Если писать под влиянием гашиша или опия, получатся дикие произведения, превосходящие даже футуризм [46].

Ещё один неожиданный контекст для имени Маяковского содержится в также ожидающей публикации повести Антона Сорокина «Исаак Зевеке» (1922). Один из персонажей повести-меннипеи, действие которой развивается в Омске, купец Роман Шорников обставляет выстроенный им пятиэтажный дом с исключительной причудливостью:

Роман Шорников придерживался какой-то своей системы, и эту систему было почти невозможно понять. Особенно непонятна была эта система, когда посмотреть кто-либо хотел библиотеку, в роскошных сафьяновых переплётках

¹ Благодарю И. Г. Девятьярову (Омск) за возможность познакомиться с материалами об «антосорокизме».

стояли книги, рядом с научной книгой стоял Джек Лондон, а потом какая-нибудь книга по техническим вопросам, а затем роман. Байрон стоял рядом с Маяковским [47].

8. В начале 1928 года иркутская газета «Власть труда» использовала имя и характерный стиль позднего Маяковского в рекламных целях, поместив на своих страницах «весёлую, безбидную и правдивую пародию»:

Я — Маяковский, работающий в Росте,
Ору оглушительнее батареи:
— Товарищи! Волынку бросьте, —
Все на газету подписывайтесь скорее!!
Другой, несознательный, в ресторане
На пиве сколько пропьёт?!
А я выписываю заранее
«Власть Труда» на год!.. [11]

9. В конце лета 1926 года в газете «Советская Сибирь» (Новосибирск) была помещена благожелательная рецензия критика Г. Андреевича на опубликованное «Комсомольской правдой» в мае стихотворение Маяковского «Четырёхэтажная халтура» и вышедшую в июне в Тифлисе брошюру «Разговор с фининспектором о поэзии» [5].

В октябрьском выпуске за 1928 год новосибирского пролефовского журнала «Настоящее», в рубрике «Редакционный блок-нот» был напечатан материал Сергея Третьякова «Письмо из Москвы», где противопоставлялись «никчемушный» юбилейный вечер Льва Толстого в Большом театре и вечер Маяковского в Красном зале МК ВКБ(б), состоявшийся 10 сентября 1928 года: «Маяковский, несомненно, отбил публику у старичка» [36]. Маяковский «крыл Тальникова, который в “Красной Нови” изрядно пренебрежительно поплевал на него как на газетчика¹. Тальникова комсомольцы требовали на трибуну. Если б он оказался в зале, ему пришлось бы круто — ребята звонкие и горячие» [36].

«Советская Сибирь», полемизировавшая с «Настоящим», настоященцами и их главой Александром Львовичем Курсом (1892–1937), присоединилась к позиции Тальникова, напечатав заметку В. Александрова, где говорилось о том, что научные поездки за границу сибирских специалистов-хозяйственников бесконечно откладываются, в то время как «заграницу усиленно посещают наши писатели, актеры и просто писаки. Едет Маяковский, едет Вера Инбер, едет Ал. Жаров (–!!), едет Зозуля, едет Пильняк, едет... да всех разве перечтёшь. <...> В восьмой книжке журнала “Красная Новь” за прошлый год в статье Тальникова мы находим прекрасную оценку этих поездок» [3].

10. В последнем из осколков позволим себе выход за хронологические пределы жизни Маяковского. Леонид Борисович Колокольников (1908–1941), вятский уроженец, получил образование агронома-растениевода и до призыва в Красную Армию в апреле 1941 года служил в различных учебных и научных учреждениях Сибири, связанных с ботаникой и геоботаникой (Бийск, село Тулун под Иркутском, Красноярск, Томск). В августе 1941 года пропал

¹ Имеется в виду больно задевшая Маяковского публикация [38].

без вести. Последняя из его должностей до призыва — ассистент Гербария Томского государственного университета [см. подробнее: 4; 10]. В личном архиве сотрудницы библиотеки Гербария им. П. Н. Крылова Томского государственного университета Н. Б. Курбатской хранится ныне объёмистая тетрадь его стихотворений, озаглавленная автором «Обломки». (Пользуясь случаем, выражаю признательность Л. А. Курышевой и И. И. Амелину за возможность познакомиться с этой тетрадкой.) Ни о публикациях Колокольникова, ни о попытках напечататься нам ничего неизвестно. Скорее всего, их не было: несмотря на то, что, судя по датировкам, он писал стихи с девятилетнего возраста, его поэтическое творчество носит исключительно любительский характер.

Завершим случайно сложившуюся картину сибирской мозаики двумя «обломками» поэзии Леонида Колокольникова, отражающими его переживания, связанные с поэзией и личностью Маяковского. Первый из них, как может заметить читатель, содержит явно непреднамеренную сологубовскую «ноту»; второй наивно воспроизводит строй стихотворения Маяковского «Юбилейное» (1924): «Александр Сергеевич, / разрешите представиться...»

* * *

Прошлый год, в этот день
 Маяковский кончился.
 Дурак, сам покончил себя...
 Эх! Я бы всем Маяковским, Есениным
 Приказал бы спустить штаны...
 Сукины детки, тоже придумали
 С жизнью играть в дурачки...
 Пейте, друзья. За Маяковских, Есениных;
 Я вчера сам на них походил,
 А сегодня берёзовой кашицей
 Сам себя угостил... угостил...
 14. IV.[19]31

М а я к о в с к о м у

Владимир Владимирович!
 Из всех поэтов
 Нашей великой страны
 Больше всего любимы
 Пушкин... и Вы.

Вы любимы за ту
 Кипучую силу,
 Которой владели всегда,
 Как художник, остряк и поэт,
 Великий мастер пера.

Я люблю вас в плакатах, в шутках со сцены,
 В брошенных резко словах,
 В образных столь оборотах речи
 И в звонких, горячих стихах.

Больше всего
Любимы и близки
Народу нашей страны
Вы, как поэт, который в жизни
Всюду шагал на фронтах борьбы.

Это ведь Вы,
Маяковский Владимир,
Тот, что в годы гражданской войны
Белых громил в стихах и плакатах,
В книгах, в газетах, со сцены, со стены.

Вы никогда не искали сюжетов,
Чтоб с революцией в ногу шагать,
Как много попутчиков из поэтов
Делали это на всяческий лад.

Вы брали из жизни,
Умело, что всюду
Видели зоркие ваши глаза,
И это со страстною силой поэта
Умели вы сложить в простые слова.

Простые слова,
Что бурлящею силой
Делались в ваших звонких стихах,
И непокорною звуков лавиной
Крепко врезались в память у нас.

Вот и сейчас
Моя память держит
Ваших стихов простые слова:
В них Вы сказали
То, что сказала
Громко про Вас наша страна:

«Я
Всю
Свою звонкую силу поэта
Тебе отдаю,
Атакующий класс».

Как это красиво.
Как это понятно.
Недаром же Сталин сам
Революции лучшим поэтом
Вас, Маяковский, назвал.
24.X.[1937]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алевский*. Галерея современных поэтов: И. Эренбург // Багульник. 1916. № 4, нояб.–дек. С. 11–12.
2. *Алевский*. К культуре искусства в Сибири: Предсказание Пушкина // Багульник. 1917. № 5, март. С. 11–12.
3. *Александров В.* Научные поездки или праздное гастролерство // Советская Сибирь. 1929. № 113 (2847), 21 мая. С. 2.
4. *Ананьева А. Е.* Воспоминания о Л. Б. Колокольникове // Книга ветеранов Великой Отечественной войны биолого-почвенного факультета и БИНа. Томск, 1975 [Без пагинации].
5. *Андреевич Г.* О литхалтуре, литмастерстве и фининспекторе // Советская Сибирь. 1926. № 198 (2036), 29 авг. С. 5.
6. *Аргус*. Грандиозарь // Сибирская речь (Омск). 1919. № 49, 6 марта. С. 4.
7. Багульник. 1917. № 5, март.
8. [Без подписи] К культуре искусства в Сибири // Багульник. 1916. № 1, авг. С. 11–12.
9. [Без подписи] К культуре искусства в Сибири // Багульник. 1916. № 2, сент. С. 10.
10. [Без подписи] Колокольников Леонид Борисович // Подвиг их бессмертен: Судьбы студентов, аспирантов и сотрудников Томского государственного университета / Под ред. проф. С. Ф. Фоминых. Томск, 2010. С. 102–103.
11. [Без подписи] Поэт о подписке на нашу газету (Весёлая, безобидная и правдивая пародия). Владимир Маяковский // Власть труда. 1928. № 26 (2431), 31 янв. С. 4.
12. *Божко В. А.* Лев Повицкий — друг Сергея Есенина // Божко В. А. Есенин в Харькове. Харьков: Мачулин, 2008 (Сер. «Личности. Время. Харьков»). С. 77–90.
13. *Вельский В.* Лекция И. Д. Шадра («Памятник Мировому Страданию») // Заря (Омск). 1919. № 42, 26 февр. С. 3.
14. *Журавский К.* Вечер // Багульник. 1917. № 5, март. С. 5.
15. *Журавский К.* День творчества: Рассказ; «Внезапный танец дорожной пыли...» // Багульник. 1916. № 4, нояб.–дек. С. 4–6, 9.
16. *Журавский К.* Осанна живущего; Moment poétique // Иркутские вечера: Стихи. Константин Журавский. Надежда Камова. Лев Повицкий. Владимир Пруссак. Варвара Статьева. Альманах первый. Иркутск: Издание группы поэтов в Иркутске, 1916. С. 9–22.1.
17. *Журавский К.* Старая сказка // Багульник. 1916. № 3, окт. С. 4.
18. *Журавский К.* Чан-Ли [Рассказ] // Багульник. 1916. № 1, авг. С. 4–5; *Журавский К.* Осень // Багульник. 1916. № 2, сент. С. 3.
19. Заря (Омск). 1919. № 54, 14 марта. С. 3.
20. *Здобнов Н. В.* Материалы для сибирского словаря писателей (Предварительный список поэтов, драматургов, беллетристов и критиков). М.: Приложение к журналу «Северная Азия», 1927.
21. *Иван Лирик*. Из воспоминаний поэта // Татьяна день: Ежемесячная студенческая газета, издаваемая в Иркутске Н. Н. Соловьёвым под его редакцией. 1914. № 1, 11 янв. С. 3–4.
22. *Иванов В.* Почему? (Бесполезное) // Наша заря (Омск). 1919. № 176, 14 авг. С. 2.
23. *Маяковский В.* Братья писатели // Новый Сатирикон (Пг.). 1917. № 3, 12 янв. С. 8.
24. *Маяковский В. В.* Облако в штанах: Тетраптих. [Пг.]: [Типография Товарищества «Грамотность»], [1915].
25. *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 1. Стихи, поэмы, статьи, 1912–1917 / Ред. и коммент. Н. И. Харджиева. М.: ГИХЛ, 1939.
26. *Маяковский В.* Простое как мычание. Пг.: Парус, 1916.

27. *Повицкий Л.* Байкал; Ангара // Багульник. 1916. № 1, авг. С. 5.
28. *Повицкий Л.* В синагоге // Багульник. 1917. № 3, окт. С. 1.
29. *Повицкий Л.* Как медленно уходит день...; Недвижный, бледно-серый свет... // Багульник. 1916. № 2, сент. С. 5.
30. *Повицкий Л.* Три раза каркнула ворона... // Багульник. 1916. № 4, нояб.–дек. С. 7.
31. *Повицкий Л.* Тяжёлый меч // Багульник. 1917. № 5, март. С. 3.
32. *Повицкий Л.* Централ; Вечер: Эскиз; Забастовка; Не пророк // Там же. С. 47–55.
33. *Пруссак Вл.* Клуб самоубийц: Отрывок из повести «Гимназическое» // Багульник. 1916. № 2, сент. С. 1–2.
34. Русские писатели. Поэты (Советский период). Биобиблиографический указатель. Т. 14: В. В. Маяковский. Ч. 2. Вып. 1: Литература о жизни и творчестве В.В. Маяковского (1909–1930). СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 2002. С. 37–39.
35. *Сорокин А. С.* Тридцать три скандала Колчаку / Сост., прим. и предисл. И. Е. Лоцилова, А. Г. Раппопорта. СПб.: Красный матрос, 2011. С. 44, 50–53.
36. *С. Т. [Третьяков С. М.]* Письмо из Москвы // Настоящее. 1928. № 10. С. 5.
37. *Станиславич.* Галерея современных поэтов: Вл. Маяковский // Багульник. 1917. № 5, март. С. 9–10.
38. *Тальников Д.* Литературные заметки // Красная Новь. 1928. № 10. С. 259–281.
39. Татьяна день: Ежемесячная студенческая газета, издаваемая в Иркутске Н. Н. Соловьёвым под его редакцией. 1914. № 1, 11 янв. С. 1, 4.
40. Татьяна день: Ежемесячная студенческая газета, издаваемая в Иркутске Н. Н. Соловьёвым под его редакцией. 1915. № 1, 12 янв. С. 4.
41. *Трушкин В. П.* Литературная Сибирь первых лет революции. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1967. С. 41.
42. *Трушкин В. П.* Пути и судьбы: Литературная жизнь Сибири 1900–1917 гг. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1972. С. 376.
43. *Трушкин В. П.* Пути и судьбы. Изд. 2-е, испр. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1985. С. 301.
44. *Футуромётный Сандро Буре* громозвук. Футуристич. стихотвор // Ленские волны: Ежемесячный литературно-политический прогрессивный журнал. 1914. № 11, 21 сент. Якутск. Стлб. 29–30.
45. Автограф. Государственный исторический архив Омской области. Ф. 1073 (А. С. Сорокин). Оп. 1. Д. 117. Л. 1–8.
46. Автограф. ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 221. Л. 10.
47. Автограф. ГИАОО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 306. Л. 23.
48. Автограф. Государственный исторический архив Омской области. Ф. 1073 (А. С. Сорокин). Оп. 1. Д. 547. Л. 29–31.
49. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 272 (Н. Н. Яновский). Оп. 1. Ед. хр. 346 (Биографические материалы и стихи К. Худякова. Т. II). Л. 63, 98 (копия).
50. ГАНО (Новосибирск). Ф. 272 (Н. Н. Яновский). Оп. 1. Ед. хр. 346 (Биографические материалы и стихи К. Худякова. Т. II). Л. 99.
51. ГАНО (Новосибирск). Ф. 272 (Н. Н. Яновский). Оп. 1. Ед. хр. 346 (Биографические материалы и стихи К. Худякова. Т. II). Л. 101, 128 (копия).
52. ГАНО (Новосибирск). Ф. 272 (Н. Н. Яновский). Оп. 1. Ед. хр. 346 (Биографические материалы и стихи К. Худякова. Т. II). Л. 4.